

РОЛЬ ЯПОНИИ В МИРЕ

Исследованные в монографии проблемы позволяют сделать некоторые обобщающие выводы. В конечном счете они должны нас подвести к ответу на вопрос о роли Японии в мировой политике.

Но вначале необходимо определить понятие «роль». Обычно в теоретических исследованиях, посвященных международным отношениям, и в выступлениях политических лидеров это понятие ассоциируется с мощностью государства. Тем самым подразумевается прямо пропорциональная зависимость между названными явлениями. В концентрированном виде подобный подход выражен в призывах правительства о необходимости приведения политической роли Японии в соответствие с ее экономической мощью.

Думается, что подобная трактовка связи мощи и роли государства неверна. В первой части монографии мы писали о категориях силы, мощи, веса и престижа государства. Напомним, что вес означает объективную констатацию сравнительной мощи государства на международной арене; в свою очередь, мощь — это совокупный экономический потенциал страны, а престиж — оценка веса государства со стороны международной среды. Сила же определена как способность государства изменять структуру международных отношений. Понятие роли государства, безусловно, связано со всеми названными категориями, но не прямо, а через цепь явлений, выраженных терминами «мощь» — «политика» («сила») — «роль». В самом деле, по своей экономической мощи Япония занимает третье место в мире. Роль же этой страны явно ниже ее возможностей и ограничена рамками той политики, которую она сама себе определила. В то же время мощь РСФСР в начале 20-х годов уступала экономическому потенциалу большинства крупных держав, однако роль нашей республики была столь громадна, что привела к кардинальному изменению в системе международных отношений. В определенной степени то же самое можно сказать о Кубе и Вьетнаме. Их место с точки зрения экономических потенциалов также уступает месту многих капиталистических стран, однако вряд ли кто-нибудь станет оспаривать значение их влияния на развитие нацио-

нально-освободительного движения в Латинской Америке, Африке и в Азии. Следовательно, роль государства определяется не мощью, а политикой, которая может характеризоваться и силовыми чертами. Поскольку отношение к роли зависит от мировоззренческой, классовой принадлежности наблюдателя (государства, личности), постольку роль — понятие субъективное, оценочное. Другими словами, *роль* — это субъективная оценка участниками международной среды политики (или силы) того или иного государства или группы государств.

Если исходить из такого понимания названных терминов, то можно сделать вывод, что престиж Японии как крупной экономической державы очень высок. Такая оценка зиждется не только на констатации абсолютных и относительных экономических показателей Японии (по многим видам производства, причем самым перспективным, она занимает 1, 2 или 3-е места в мире), но и определяется высоким качеством японских товаров. Не случайно почти во всех странах капиталистического мира «престижно» иметь японские товары. Престижеобразующими элементами являются также уважение всего мира к способности Японии достигать высоких экономических результатов без наличия собственного сырья и энергоресурсов, всепроникаемость японского бизнеса, его умение предвидеть перспективные направления в производстве, заблаговременно подготовиться к предстоящим кризисам.

При этом престиж Японии даже выше объективного статуса, так как при всех экономических достижениях страны она тем не менее по совокупному экономическому потенциалу уступает и США, и западноевропейскому центру, а темпы ее экономического роста в 70-е годы существенно понизились по сравнению с 60-ми годами. Экономическая мощь Японии вполне сопоставима (с небольшим превышением) с потенциалом ФРГ (при этом, однако, надо иметь в виду, что население ФРГ почти в два раза меньше японского, а значит, по относительным показателям Япония сразу же уступит многие свои первые места ФРГ).

«Излишек» престижа над объективным весом государства, в данном случае Японии, объясняется, как минимум, тремя причинами.

Во-первых, он создается односторонней оценкой внешних признаков этого статуса и одного или нескольких индикаторов экономического потенциала страны. Если анализировать более длинный ряд показателей экономического, социального и культурного развития страны, то удельный вес Японии относительно других развитых капиталистических стран будет значительно ниже. В упоминавшейся книге «Типология несоциалистических стран» был проделан такой многомерно-статистический анализ по 31 индикатору (и рассчитанный с помощью статистическо-математических методов) на конец 60-х годов. В результате Япония по совокупным показателям, отраженным в главном компоненте, оказалась всего лишь на 15-м месте среди 85 стран несоциали-

стического мира. И это в тот период, когда по ВВП она уже вышла на второе место в капиталистическом мире (после США) и опережала ФРГ¹. Можно безошибочно утверждать, что проделанный таким способом анализ экономического развития Японии на начало 80-х годов вряд ли подтвердил бы тезис о статусе Японии как второй экономической державы капиталистического мира.

Во-вторых, престиж — это формирование в течение определенного периода времени благоприятной позиции относительно данного государства со стороны политических деятелей, различных слоев населения других стран. И чтобы достичь такого отношения, государство затрачивает определенные ресурсы для накопления субъективных условий в международной сфере. Таким образом, престиж зависит и от внешнеполитических фондов, т. е. от внешнеполитического потенциала, а точнее, потенциала пропагандистского и идеологического аппарата внешней политики. Японское правительство и японский бизнес не жалеют средств для пропаганды своих достижений.

Наконец, в-третьих, на престиж Японии невольно «работают» и противники торгово-экономической экспансии японских монополий. Раздувая и утрируя в прессе победы «желтого дьявола» или «самурайских пиратов» на собственных рынках, они тем самым как бы рекламируют превосходство Японии.

Очень важен вопрос о характере японского империализма в нынешних исторических условиях. Формально тема нашего исследования не имеет прямого отношения к оценкам японского империализма и его особенностей. Но без этого крайне сложно окончательно определить характер внешней политики Японии, а значит, и ее роль в мире. Поэтому мы считаем целесообразным изложить свое представление о японском империализме через призму его внешнеполитической деятельности.

Выведенные еще в 1916 г. В. И. Лениным пять признаков империализма актуальны и в настоящее время. Применительно к современной Японии требует уточнения пятый признак: «закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами»². Попытка «территориального передела», предпринятая Японией в 1931—1945 гг., окончилась провалом. Урок отчасти пошел впрок, и японский монополистический капитализм на данный момент не ставит задачу «передела земли». Сейчас речь может идти лишь о расширении хозяйственной территории. И к этому Японию толкает не только мощь монополий, которым тесны рамки национального рынка, но и сама природа монополистического капитализма. В. И. Ленин писал: «Внешнеэкономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, его политика, его идеология усиливают стремление к колониальным завоеваниям»³. В нынешних же условиях это означает стремление к овладению рынками сбыта и сырья. И сейчас, пожалуй, нет ни одного участка земного шара, куда бы не протянул свои руки японский монополистический ка-

питал. И по охвату, а точнее, по захвату мировых рынков, носящих глобальный характер, Япония, как представляется, идет впереди если не США, то любой отдельно взятой страны Западной Европы. Масштабность японского империализма является, таким образом, первой его особенностью.

Но финансовый капитал «хочет не свободы, а господства». Развивая эту мысль Гильфердинга, В. И. Ленин пишет: «Для империализма характерно как раз стремление к аннектированию не только аграрных областей, а даже самых промышленных... ибо, во-1-х, законченный раздел земли вынуждает, при *переделе*, протягивать руку ко *всяким* землям; во-2-х, для империализма существенно соревнование нескольких крупных держав в стремлении к гегемонии»⁴. Этот вывод находит свое подтверждение особенно в действиях японского империализма в наши дни. В направлениях внешнеэкономической экспансии Японии не случайно столь важное место занимают развитые капиталистические государства (это подтверждается данными, приведенными нами в соответствующем разделе). В 80-е и особенно в 90-е годы, учитывая планы японской буржуазии сконцентрировать свои усилия на развитии технологического потенциала и наукоемких областей производства, нынешний баланс удельных весов между аграрными и промышленными районами в совокупной экономической деятельности Японии наверняка будет меняться в пользу последних. И в связи с этим выступает вторая особенность японского империализма: он побивает в экономической конкурентной борьбе своих соперников не только на рынках развивающихся государств, но и на их собственных рынках. Это говорит о том, что японский финансово-монополистический капитал сильнее, динамичнее, организованнее, выше американского, западногерманского, английского и т. д. (как в начале века такими преимуществами обладала германский империализм над английским, а американский над германским). Тенденция такова, что если сейчас японский капитализм выше своих конкурентов в торговле, то завтра он будет выше их по зарубежным капиталовложениям.

Наконец, третьей особенностью японского империализма является его почти полная зависимость от внешних источников сырья. Такая зависимость имеет свои плюсы и минусы. Можно даже сказать, что плюсы развития японской экономики есть продолжение или отражение тех минусов, которые возникли в результате импортной зависимости от внешней среды. Именно последнее вынуждало японские монополии ориентироваться на наукоемкое (а значит, и металло- и энергосберегающее) производство, на качество товаров, на разработку энергосберегающего оборудования. Даже тип японского мышления, доминирующей чертой которого является стремление к экономии, к рачительному хозяйствованию, в некоторой степени отражает те сложные условия, в которые поставлена Япония. Уязвимость от внешней среды бизнес компенсировал еще более отлаженной системой управления, т. е. именно эта уязвимость в какой-то степени яви-

лась причиной формирования «японского менеджмента», вызывающего зависть у американских и западноевропейских конкурентов.

Обратной стороной зависимости от рынков сырья и сбыта явилась и «чисто японская» манера поведения, обхождения со своими партнерами, проявляющаяся в стремлении уладить все надвигающиеся конфликты, быть в хороших отношениях со всеми. Хотя и не всегда, но чаще всего такая манера поведения приводила к успехам.

Таким образом, в отличие от американского (гегемонистского) и западноевропейского (группового, коллективистского) империализма японский империализм можно обозначить как *торгово-финансовый империализм*. Он имеет следующие отличительные признаки: стремление к экономическому господству на всем земном шаре; большая организованность и мобильность, большее искусство в достижении цели; способность быстро осваивать результаты научно-технической революции и предугадывать перспективы ее дальнейшего развития.

Характер японского империализма определяет внешнюю политику Японии и объясняет несоответствие между ее экономическим статусом и политической ролью в мире. Что наблюдалось во внешней политике Токио в 70-е годы? Небывалый размах активности японских монополий и на этом фоне особенно бросающиеся в глаза вялые, пассивные действия японского правительства. Известный американский обозреватель Дж. Рестон с некоторым недоумением писал по этому поводу: «Японские руководители не решаются выдвигать собственные предложения для решения запутанных (международных) проблем, и стороннему наблюдателю трудно определить, то ли они недооценивают своего потенциального влияния на мировые дела, то ли просто пытаются уйти от ответственности, налагаемой на них успехом»⁵. Действительно, ни вопросы войны и мира, ни проблемы разрядки и разоружения, ни одна из актуальнейших проблем современности не привлекала пристального внимания японского правительства. Причины такого отношения особенно удивляют в свете того, что еще в конце 60-х годов японские политические деятели призывали к увеличению именно политической роли страны в мире. В чем же дело?

Во-первых, надо учесть, что ни один из лидеров монополистических кругов страны (ни Уэмура, ни Сакурада, ни Сасаки, ни Нагано — президенты «4-х монархий» на начало 70-х годов) и не ставили подобной задачи. В самом деле, зачем им политическая роль? Она, равно как и военная, необходима для подготовки условий, благоприятствующих экономической экспансии. Но в эти годы такие промежуточные звенья были ни к чему монополиям, поскольку и с помощью «чисто» экономических средств и рычагов они добивались своих целей.

Во-вторых, соотношение сил между финансовым капиталом и японским государством в значительно большей степени, чем

в других развитых капиталистических странах, было и остается в пользу первого. И таким образом, он мог самостоятельно, через голову правительства, добиваться осуществления своих целей. К государству монополии обращались лишь в тех случаях, когда резко обострялись экономические противоречия в их отношениях с США или Западной Европой. Не случайно многосторонние и двусторонние встречи в верхах обычно служили для решения или по крайней мере смягчения остроты прежде всего экономических проблем, возникавших между союзниками-соперниками. Такая же роль отводилась правительству и в отношениях Японии со странами ЮВА. Когда монополии чувствовали накопление антияпонских настроений в регионе, они побуждали политических руководителей страны принимать меры для «снятия напряжения». Этой же цели служили и поездки японских политических деятелей на Ближний Восток.

В-третьих, ответ на поставленный вопрос находится в тесной связи (причем связь здесь прямая) с проблемами международной разрядки и американо-японских отношений. Дело в том, что если политика монополий диктуется собственными интересами, то правительственный курс формируется главным образом под воздействием двух сил: монополий и Вашингтона. Правительство постоянно находится как бы между двух огней. Поскольку у японских монополий достаточно серьезные противоречия с США, то в случае склонения Токио к позиции Вашингтона (например, выполнение требований ограничить экспорт в США) такой курс встречает противодействие со стороны дзайкай, если же правительство «работает» на свои монополии, это вызывает критику со стороны США. Такое положение между Сциллой и Харибдой не позволяет японскому правительству вырабатывать, а тем более осуществлять целостную линию поведения, в результате чего, по выражению Р. Арона, «коэффициент мобильности» официальной государственной политики крайне низок. Но в период разрядки, в том числе по линии СССР — США, последние ослабили давление на Токио в плане привлечения его к борьбе с мировым социализмом. Сам Вашингтон в тот период давал пример улучшения отношений с Советским Союзом, Китаем и другими социалистическими странами. В Токио, как известно, не преминули воспользоваться такой ситуацией и положительно реагировали на предложения социалистических государств улучшить отношения. Подобные действия японского правительства отвечали интересам и японских компаний, которые постоянно проявляют готовность развивать экономические отношения со всеми странами, включая социалистические. Следовательно, внешнеполитическая роль японского правительства, по сути дела, сводилась на протяжении большей части 70-х годов к функциям экономического эмиссара японских монополий в мире.

Еще в 1969 г. на Международном совещании рабочих и коммунистических партий был сделан крайне важный вывод: «Сегодня, в условиях углубляющегося общего кризиса капитализма,

происходит известное перемещение центра тяжести стратегии империализма на мировой арене. Политика империализма все в большей мере определяется классовыми целями общей борьбы против мирового социализма, национально-освободительных революций и рабочего движения»⁶. Однако поведение японского империализма в 70-е годы мотивировалось в значительно большей степени собственными интересами, нежели общеимпериалистическими интересами борьбы с мировым социализмом.

Положение кардинально изменилось на рубеже 70—80-х годов. Ослабление позиций империализма по всем основным линиям противоборства оказало стимулирующее влияние на тенденцию к сплочению, блокированию мировой буржуазии. Эта тенденция стала доминировать над тенденцией разъединительной, порождаемой экономическими противоречиями.

Инициатором по объединению западного мира выступили США, как самая мощная военная и экономическая держава. Японские политические лидеры охотно откликнулись на призывы к сплочению. Но если бы речь шла только об одобрении курса Вашингтона со стороны политических кругов, то можно было бы заранее предсказать, что проамериканская позиция Токио не была бы воплощена на практике. Вся суть в том, что японский монополистический капитал также встревожен, и не менее США или политиков собственной страны, ростом влияния социалистической системы и размахом национально-освободительного движения, а следовательно, и своих капиталовложений, рассредоточенных по всему земному шару. Об этой тревоге свидетельствуют приведенные в монографии высказывания лидеров финансово-политического капитала в конце 70-х—начале 80-х годов. И в данном случае плюсы диверсифицированной экономической политики оборачиваются минусами зависимости от политической ситуации на каждом участке, где сконцентрировались интересы японских монополий. Добиваться хороших и стабильных отношений становится все сложнее и сложнее, поскольку логика отношений с США оборачивается негативными сторонами для экономических интересов Японии. Как писал один из авторитетных японских экономистов М. Сакамото, «хотя Япония не была непосредственным участником событий в американо-иранском конфликте, но как член западного мира она объективно почувствовала на себе результаты этого конфликта»⁷. Эта же логика втягивает Японию и в «противоречия между Востоком и Западом».

К концу 70-х годов созрели и другие факторы, толкающие страну на путь превращения в политическую державу. Рост экономики, усиленное продвижение на рынки развитых капиталистических государств, тенденция к технологическому опережению и т. д. породили в правящих кругах националистическую самонадеянность, разжигаемую и среди широких масс Японии. Наконец, армия, военные круги, приобретающие статус политической силы, тоже начинают проявлять себя во всех звеньях внешнеполитического процесса.

Все эти моменты и явились базой для выдвижения доктрины КОНБ с четко выраженным упором на военно-политические средства ее достижения. Если раньше говорили, что политика должна работать на экономику, то теперь экономику намереваются подчинить политике.

При этом за всеми разговорами о политике и политической роли страны скрываются и более далеко идущие намерения. Об этом свидетельствует следующий факт. Упомянутый выше М. Сакамото (он является заместителем директора Института экономики, составителем долгосрочных прогнозов, разрабатываемых Центром по развитию комплексных исследований и другими международными экономическими комитетами ОЭСР, и принял по линии этого Центра непосредственное участие в составлении «Прогноза развития Японии к XXI веку») опубликовал книгу под названием «Вызов великой экономической державы. Стратегия перестройки международного порядка». В ней вопрос ставится фундаментально: Япония должна стать «великой политической державой», способной перестроить международный порядок. Это, по сути дела, открытая заявка финансового капитала не только на экономический раздел, но и на политический передел мира. Такая программа кардинально увеличивает значимость государства во внешней политике.

Чтобы пояснить, чего не хватает Японии на данный момент для достижения столь глобальной цели, М. Сакамото перечисляет признаки «великой политической державы»: 1) численность населения и обширная территория; 2) способность обеспечить безопасность (военная сила); 3) ресурсы и энергоресурсы; 4) промышленная мощь; 5) культурный и идеологический потенциал⁸. Такими признаками, по мнению Сакамото, в настоящее время обладают США и СССР, Китай же имеет их потенциально. Первый признак Япония может приобрести, считает он, за счет «освоения» азиатско-тихоокеанского региона. Такое «освоение» приведет к появлению у Японии и третьего признака. Четвертый и пятый признаки характерны для Японии уже сейчас. Остается второй признак — «обеспечение безопасности». Именно в этом, считает Сакамото, суть проблемы, и поэтому на приобретение данного признака, на подготовку плацдарма в деле перестройки международного порядка должны быть обращены все усилия страны. Вряд ли может вызвать возражение намерение того или иного государства играть «политическую роль» в мире. Весь вопрос в том, какой характер придается этой роли?

Японские правящие круги рассматривают функциональную роль «политической державы» в качестве инструмента для достижения нескольких задач: путем увеличения военного потенциала обеспечить военно-политическое доминирование в азиатско-тихоокеанском регионе и одновременно равноправный, независимый статус в американо-японских отношениях; перехватить политическую инициативу у США и западноевропейских государств по линии «Север — Юг» и тем самым создать благопри-

ятные условия для дальнейшего развития своей экономической экспансии в зоне «третьего мира»; принять более активное участие в борьбе против социалистической системы и ее революционизирующего влияния в развивающихся странах, стать экономическим, а если удастся, и политическим лидером западного мира. Эти задачи как раз и аккумулированы в «стратегии пересмотра международного порядка» — современном варианте планов, которые еще в 20-е годы выдвигал генерал Г. Танака.

Конечно, только будущее ответит на вопрос, насколько реальны подобные планы. Правда, изучение исторического прошлого и современного состояния дел на международной арене иногда дает возможность верно предсказать судьбу тех или иных проектов. Попробуем и мы пойти по этому пути.

Ученые-системники утверждают, что социальная система, в том числе и система международных отношений, обладает собственными целями, которые нельзя отождествлять с целями ее участников. В общем-то это утверждение не что иное, как переложение на системный язык замечания В. И. Ленина о том, что «политика имеет свою собственную логику».

Начнем с американо-японских отношений. Проявленная Вашингтоном готовность поощрить развитие вооруженных сил Японии и переложить на их плечи «оборону» азиатско-тихоокеанского региона была воспринята в Японии как шанс увеличить военно-политическую самостоятельность вообще и в рамках отношений с США в частности. На самом деле более глубокая интеграция «сил самообороны» в американскую стратегию, наоборот, ведет страну к еще большей зависимости от Вашингтона хотя бы уже в силу несоизмеримых военных потенциалов двух государств, а также военно-технической зависимости от США. Кроме того, углубленное взаимодействие с вооруженными силами союзника делает Токио соучастником всех военных акций и авантюр Пентагона, а неизбежное противодействие такой политике, следовательно, будет сказываться и на Японии. Следовательно, появятся дополнительные негативные моменты, которых страна избегала в предыдущие десятилетия.

Объективно углубление военных связей Японии с США последним выгоднее и по той причине, что выход «сил самообороны» в район Азии и Тихого океана резко осложнит отношения Японии со странами региона, ухудшит ее экономические позиции, чем, не исключено, воспользуются американские монополии. Таким образом, Япония не только не приобретет большую степень независимости от США, а, наоборот, потеряет даже то, что имела ранее.

Следует ожидать дальнейшего торгово-экономического проникновения Японии в развивающиеся страны. Но отношения с США, точнее, увязывание политики Токио со стратегией Вашингтона и наращивание собственного военного потенциала усложнит действия японских компаний на «Юге». Япония уже понесла

ущерб от проамериканской позиции в ирано-американском конфликте. Продолжение такого курса, по сути антиарабского, на Ближнем Востоке чревато еще большими негативными последствиями для экономики Японии. Ближний Восток — это бурлящий котел, и никто не может однозначно предсказать, как завтра будет вести себя Саудовская Аравия или Кувейт, откуда Япония черпает значительную часть своей нефти.

Можно предположить, что Япония в конце концов опередит США по ВВП. Но это отнюдь не будет означать, что она превратится в экономического лидера (а тем более политического) по одной простой причине. Превращение страны в «мозговой трест» капиталистического мира — а именно на это нацелена стратегия японских монополий — приведет к еще большей *экономической* зависимости от развитых капиталистических государств. Потому что именно они станут основными потребителями японской технологии. А если в случае политических или тех же экономических соображений они откажутся покупать японские «мозги», то что тогда с ними делать? И таким образом плюсы от превращения Японии в «мозговой центр» империализма обернутся минусами.

Экономика США и стран Западной Европы обладает преимуществами над японской экономикой вследствие большей пропорциональности, структурного разнообразия. Мировое разделение труда — это исторический факт. Но наиболее полно свои преимущества оно демонстрирует только при равноправных и взаимовыгодных политических и экономических отношениях. Пока же существует система капитализма с ее закономерностями, то и международное разделение труда мировая буржуазия будет эксплуатировать в угоду своим собственным монополистическим интересам, причем не только в отношениях с социалистическими и развивающимися странами, но и во взаимодействии внутри системы. Неискоренимая рознь экономических, социальных и политических интересов национальных империализмов, вопреки усилиям к сплочению, подтачивает и дезинтегрирует фронт мирового капитализма. Неутихающая борьба между тремя центрами подтверждает это с полной очевидностью.

Противодействие же социализму, национально-освободительному движению, экономической и политической самостоятельности развивающихся стран — это борьба против истории. И она без всяких сомнений обречена на провал. Это подтверждает не только опыт политики Японии в первой половине XX в., но и нынешний опыт политики США, обладающий громадным военно-экономическим потенциалом. Наконец, и опыт борьбы всех капиталистических государств, вместе взятых, против социализма и прогресса не оставляет надежд на перспективу в этой борьбе.

Таким образом, роль Японии на путях «превращения ее в политическую державу», как ее мыслят в Токио, заранее обречена на неудачу. Такая роль не сможет приостановить тенденцию изменения соотношения сил в пользу социалистических и

демократических начал в мире, а средства ее достижения еще больше отбросят страну назад от политики независимости и самостоятельности.

В первой половине XX в. Япония пыталась с помощью военной силы покорить полмира — в результате она была разгромлена. После второй мировой войны, связав себя военным договором с США, Япония добилась существенного экономического роста, но фактически в значительной степени утратила свободу рук в области внешней политики. Пытаться достигнуть ее на основе политики национальной безопасности, в борьбе против Советского Союза и других социалистических государств? Даже при самой богатой фантазии это трудно было бы представить.

Официальный Токио до сих пор не испробовал еще один вариант политики — политики нейтралитета и мира. Именно на этом пути Япония обладает неисчерпаемыми возможностями для достижения по-настоящему статуса великой политической державы. Ведь сила и политическая роль не обязательно сопрягаются с громадной экономической мощью. Вьетнам был и есть явно слабее США в экономике, но оказался на какой-то момент сильнее в политике. Сила — в политике, но не в любой, а в политике, соответствующей историческому развитию человечества. И если именно это иметь в виду, то и японская политика может носить силовые черты. Не в соотношении сил между империализмом и социализмом, а в соотношении сил между политикой мира и прогресса и политикой войны и конфронтации. И в этом смысле широкие возможности для проявления со стороны Японии «позитивной силы» дают советские предложения об установлении мира и стабильности в Азии и на Тихом океане.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, например, предлагалось странам, расположенным на Дальнем Востоке, провести конкретные переговоры по мерам доверия. В докладе говорилось, что «разработка и применение мер доверия... могли бы не только разрядить обстановку на месте, но и стать делом, очень полезным для укрепления основ всеобщего мира»⁹. Эти меры можно было бы применять как на коллективных началах, так и на двусторонней основе. В частности, СССР настойчиво стремится к установлению надежных отношений добрососедства, взаимного сотрудничества и взаимного доверия с Японией.

В полной мере роль Японии, ее авторитет, усиление ее политического статуса в мире могут быть достигнуты только на исторически перспективных магистралях развития мировой системы. Было бы политической близорукостью со стороны тех, кто ответствен за внешнеполитические решения в стране, игнорировать требования собственного народа, народов азиатско-тихоокеанского региона, требование самой истории разрядить современную международную обстановку, гарантировать продолжение и углубление разрядки, избавить наконец человечество от нависшей над ним угрозы. Именно такой позитивной роли ждет мировое сообщество и от Японии.